

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО

(Топ-десятка лучших рассказов советской фантастики – по версии автора)

И сейчас, по прошествии полувека, я был и остаюсь весьма высокого мнения о советской фантастике. Ну, о том, что я был и остаюсь ее горячим поклонником – говорить, пожалуй, излишне.

В Советском Союзе ее, фантастику, бывало, недолюбливали. Называли «Золушкой» литературы. Ее опрометчиво считали то жанром, призванным популяризировать достижения науки и техники и «вербовать» будущих инженеров (и не более того!), то считали «литературой Мечты», призванной описывать неосуществимые утопии. Советская фантастика работала в условиях жесткой и подчас глупой цензуры...

...но, несмотря на все это, энтузиастам удавалось достичь многого. Учреждать редакции научно-популярной и фантастической литературы (или фантастики и приключений) и активно работать в их рамках; основывать серии и даже многотомные библиотеки советской и зарубежной фантастики; переиздавать классиков жанра; открывать отделы фантастики в популярных журналах («Знание-сила», «Техника – молодежи», «Юный техник», «Химия и жизнь», «Изобретатель и рационализатор»). И все более и более становилось ясно, что советские писатели-фантасты способны не только воспевать науку и технику и описывать недалекое и отдаленное будущее с их чудесами и проблемами – они оказались способны поднимать вопросы морали и нравственности, рассматривать сквозь призму фантастики актуальные проблемы современности, интересоваться уже не столько техникой, сколько Человеком, человеческими взаимоотношениями в век научно-технического прогресса... Избранный жанр позволял авторам использовать приемы, неприемлемые (простите за невольный каламбур) в иных литературных жанрах.

Советская фантастика дала литературе массу славных имен, многие из которых завоевали всемирную известность. Это не преувеличение: кто не знает братьев Стругацких, по книгам которых снимали фильмы Тарковский и Герман-старший? Кто не знает бакинца Генриха Альтшуллера (Альтова), основоположника ТРИЗ – Теории Решения Изобретательских Задач? Кто не знает Кира Булычева, автора культовых книг, по которым были сняты культовые сериалы и фильмы?

Что же касается лично меня, то... советская фантастика – это мое детство, мои юность и молодость, это книжки, которые я запоем читал в благословенных бакинских библиотеках, у себя дома, и – чего греха таить – на школьных уроках, пряча их под учебниками... Все это сделало меня не просто поклонником, а и знатоком советской фантастики.

Иногда я думал: доведись мне составить свою личную Топ-десятку (как нынче принято говорить) самых сильных фантастических рассказов советских мастеров жанра – что бы я включил туда? Постепенно мысль приобретала материальную форму, и с конечным результатом вы можете ознакомиться ниже.

Оговорюсь, что в мою личную Топ-десятку вошли рассказы, написанные в период с 1962 по 1987 годы. Золотой век советской фантастики, серебряный век и – ее железный век...

Начнем, пожалуй.

№ 1. Из всех рассказов, написанных в соавторстве с Михаилом Емцевым и Еремеем Парновым (известнейший был в свое время творческий тандем, оба – ученые, работавшие в области физики и химии), самым лучшим я считаю рассказ **«Три кварка»**, впервые опубликованный в приложении «Искатель», в 1967 году.

...Советское океанографическое судно ложится в дрейф в виду Малого Инагуа – одного из островов Багамского архипелага (Атлантика). Семеро ученых совершают погружения с целью сбора коллекций. И вот во время одного из таких погружений случается странное и страшное: из океанской бездны поднимается некая необъятная бурая масса, дрожащее желе, что-то вроде огромного, с километр, одеяла с колышущимися краями. Масса убивает, словно электрическим разрядом, замешкавшихся акул и морских черепах и растворяет их в себе. А затем та же самая участь постигает двоих из семи дайверов...

Попытки спасти товарищей ни к чему не приводят. Попытка забросать бурю массу тротильными шашками тоже ничего не дает: «желе» быстро затягивает места разрывов и вскоре медленно уходит обратно в глубины океана. И вот что еще странно: ученый, от лица которого ведется рассказ, при виде «желе» там, под водой, испытал чувство невероятного одиночества, исходящее от загадочного существа! Его природа не дает покоя ученому, и он размышляет над ней.

Ученый предполагает, что «бурый студень» возник еще в архейскую эру, на заре жизни, в глубоких океанических впадинах, и представляет собой образец «параллельной эволюции», порожденной кварками, частицами с дробным зарядом (которые на протяжении миллиардов лет пронизывают атмосферу Земли и скапливаются во впадинах океанов). Это уникальное, бессмертное существо – и особь, и вид в одном лице.

Но еще больше, чем физика и биология «бурого студня», ученого занимает его психология:

«...это чудовищное существо само абсолютно одиноко... Оно не подвластно смерти и не знает врагов. Все для него чужое, и оно чуждо всему живому. В темных и холодных глубинах трудно заметить течение времени. Ему неведом страх, зато все живое цепенеет от ужаса при его приближении.

...Это странная жизнь вне времени, без вражды и какой-либо привязанности. В море всегда вдоволь рыбы, и поэтому нет никаких забот. Может быть, нет даже эмоций и желаний. Если за миллионы лет в буром студне и пробудилось сознание, то оно непостижимо для нас, равнодушно и сумеречно. У такого существа не может быть цели, как нет ее у самой природы.

...Полное отчуждение, принципиальная невозможность любых контактов. Слишком оно велико, чтобы замечать случайную добычу. Планктон или исполинский кит – для него все едино. Даже понятие добычи неведомо ему. Это всего лишь автоматический, само собой разумеющийся процесс.

...Она, эта жизнь, творит зло, не ведая ни зла, ни добра; сеет ужас, никогда его не испытывая; убивает, не зная смерти. Она одинока, эта жизнь, и не одинока, потому что ей никогда не осознать своего одиночества... Бурый студень – это отброшенный природой вариант, издержки эксперимента».

Далее ученый осознает огромную разницу между людьми и глубоководным бессмертным и одиноким чудовищем:

«Мы, люди, сильны тем, что нас много. В жизни и смерти каждого из нас источник бессмертия человечества. И то, что мы считаем самым прекрасным и высоким, дано нам потому, что мы смертны... Это изначально в человеке. Вот почему он никогда не завидовал бессмертным богам».

Если мой пересказ выглядит несовершенным и корявым, рекомендую прочитать «**Три кварка**» в оригинале.

Почему я внес его в десятку лучших фантастических рассказов советских авторов?

Налицо (на мой взгляд) ярчайший пример того, что может дать уму научная фантастика, как жанр: успешная попытка вообразить и описать живое существо, возникшее на иной основе, нежели все остальные, и ментально отличающееся от всех остальных живых существ, включая человека. Это как бы две различные формы живой материи, невероятно далеко отстоящие друг от друга на своеобразной шкале. Людей и «бурый студень» разделяет фактически непреодолимая пропасть. Вряд ли возможен контакт между двумя этими формами; людям и «студню» остается лишь сосуществовать на одной планете, изредка случайным образом пересекаясь друг с другом на «нейтральной территории» (то есть на определенной глубине океана). Возможно, человек придумает способ уничтожить «бурый студень»; «студень» вряд ли сможет ответить тем же...

Для меня ценно, что авторы «изобрели» иную форму жизни не где-то в Космосе, а у нас, «под боком», так сказать.

Не исключены огрехи в рассказе по физической и биологической части, но главной целью авторов, на мой взгляд, было **сравнение**... сравнение, позволяющее взглянуть на человечество под новым углом зрения и обозначить его, человечества, ценность.

Выбор рассказа обусловлен также и тем, что я по профессии – биолог. Но это не являлось основоопределяющим фактором...

№2. Творческое наследие Кира Булычева (под этим псевдонимом снискал себе немалую славу историк Игорь Можейко) огромно. Даже ограничив себя его рассказами, мне нелегко было выбрать самый лучший из них. Но, в конце концов, я твердо решил: это будет небольшой фантастический рассказ «**Снегурочка**», впервые опубликованный в журнале «Знание – сила» в 1973 году.

...Действие рассказа происходит в далеком будущем, когда на Земле победил Свет Разума, земляне летают в глубокий Космос и общаются с огромным числом инопланетных цивилизаций. И вот как-то раз земной космический корабль спасает девушку с другой планеты – ее корабль потерпел страшную аварию в пространстве... Спасенную, однако, приходится немедленно поместить в специальный бокс: дело в том, что в ее мире основой жизни является аммиак, а не вода, как на Земле. Сие означает, что эта красивая девушка, равно как и ее сопланетники, живет при температуре минус семьдесят-восемьдесят. Общаться с ней можно только через толстое стекло, посредством микрофона... Земляне нарекают ее **Снегурочкой**.

И вот в Снегурочку влюбляется земной космонавт, главный герой рассказа.

Девушка с аммиачной планеты отвечает ему взаимностью, но... Земной парень никогда не сможет жить в ее мире без скафандра – он замерзнет на страшном морозе. Снегурочка никогда не сможет жить на Земле без скафандра – она просто-напросто сгорит в адском пекле, которым для нее обернется нормальная для землян температура обитания... Влюбленные подумывают найти «**нейтральную**» планетку, на которой царит мороз градусов в сорок. Правда, для него это будет несколько холодновато, для нее – довольно жарковато, но ради Любви можно и потерпеть!

Однако что это будет за жизнь, если придется все время терпеть?..

В финале рассказа главный герой высаживает Снегурочку на ее родной планете. Прощаясь, землянин по просьбе любимой снимает перчатку скафандра; девушка берет его руку и прижимает к своей щеке. На щеке мгновенно вспухает багровый ожог – след его ладони. А ладонь парня оказывается обмороженной...

Я счел этот рассказ самым лучшим из рассказов Кира Булычева и внес его в свою Топ-десятку.

Любовь – тема многих произведений реалистической прозы, сказок, фантастики. В фантастических произведениях нередко возникает любовь между землянами и неземлянами. Часто между ними не возникает особых препятствий: влюбленные живут на планетах со сходными условиями. Но в «Снегурочке» ситуация уникальна. Мало того, что она возможна лишь в рамках фантастического жанра; здесь показана абсолютная **невозможность** совместной жизни парня с Земли и девушки с аммиачной планеты. Им препятствуют не какие-нибудь кастовые предрассудки, психологическая несовместимость или несходство в анатомии или генетике; нет, между ними встает равнодушная **физика**.

Снегурочка у Булычева – не мифическое существо, не сказочный персонаж, не какая-нибудь нежить. Это человек из мяса, костей и нервов, просто судьба рядила ей родиться на планете, где основой жизни является аммиак. Она не виновата в этом, как не виноват и космонавт, родившийся на Земле. И в том, что между ними вспыхнуло чувство, тоже нет ничего предосудительного. Да вот только быть вместе им **невозможно**. Так все сложилось. Так устроена Вселенная.

Другого подобного рассказа я не знаю.

Правда, в «Сердце Змеи» Иван Антонович Ефремов показал людей с фторной планеты, но – лишь показал. Булычев же пошел гораздо дальше...

№ 3. В 1987 году в популярном советском приложении «Искатель» я прочитал небольшой по объему рассказ **«И услышал голос»**. Осмыслил его. И с той самой поры и до сегодняшнего дня непоколебимо готов внести его в десятку лучших рассказов советских фантастов и даже в Топ-десятку лучших рассказов, написанных фантастами мира.

Автор – известный астрофизик Павел Амнуэль, бакинец, который долгое время работал в Шамахинской обсерватории и в Институте физики Академии наук Азербайджана и был широко известен и как ученый, и как писатель-фантаст. Последние четверть века Павел Рафаэлович живет в Израиле и продолжает активно работать – и как ученый, и как писатель-фантаст, создавая все новые и новые повести, романы, статьи... Но, поскольку я в рамках данной десятки фокусирую внимание на рассказах, то – «И услышал голос». Однозначно.

Действие рассказа происходит в будущем, когда сотрудники Института Времени, так называемые **«хронографисты»**, получили возможность погружаться в прошлое – сначала не очень отдаленное, а потом все более и более глубокое. Интрига возникает тогда, когда один из хронографистов, посетив верхний архей (четыре с половиной миллиарда лет назад), время, когда на Земле должна была возникнуть жизнь, не обнаруживает там абсолютно никаких ее признаков!

Специалисты-теоретики заговорили о так называемых **«виртуальных мировых линиях»**; если верить им, то вся история жизни на планете Земля, а также возникновение и развитие человечества, по сути своей беспричинные, а значит, не имеющие следствий в общем развитии Вселенной, – существуют на виртуальной мировой линии, которая может в любой момент оборваться, и тогда **«Земля мгновенно станет такой, какой была четыре с половиной миллиарда лет назад, и будет развиваться в соответствии с логикой природы, и никакого человечества, которое эту логику нарушило, не будет»**.

Трудно жить, осознавая, что весь мир вокруг в любую минуту может «аннулироваться». Трудно и страшно. И человечество решает «подстраховаться» себя. Туда же, в верхний архей, отправляется главный герой рассказа, хронографист, и к его машине времени прикреплен контейнер с шестнадцатью тоннами **протобионтов** – «закваски» будущей жизни на планете Земля, которую надлежит сбросить в

первобытный океан... Подвести или ошибиться нельзя: каждый запуск человека в столь глубокое прошлое связан с колоссальными энергетическими затратами, другого такого случая может и не представиться.

Прибыв на место и готовясь к выполнению задания, главный герой вдруг слышит внутри себя чей-то голос! Оказывается, на юной Земле существует небелковая форма жизни, и не просто жизни – Разума! Окутав Землю газообразной оболочкой, этот Разум управлял океанами, земной корой, климатом... Он возник задолго до первых простейших белковых организмов, за целый миллиард лет... и впоследствии исчез, не оставив никаких следов.

Главный герой рассказа оказывается перед чудовищным выбором. Сбросив в архейский океан шестнадцать тонн «закваски», он тем самым включит механизм уничтожения протоРазума (который будет погублен бурно выделяющимся кислородом), зато положит начало белковой жизни и человечеству; воспрепятствовав сбросу – человек сохранит в неприкосновенности протоРазум, но при этом пожертвует будущей жизнью и в итоге человечеством (да и самим собой)... Казалось бы, вопрос ясен: люди в первую очередь, какой еще может быть выбор?! Но главный герой мучается, ибо прекрасно осознает объективную равноценность двух этих вариантов жизни и разума, а также понимает, что альтернативы нет: или-или, сохранение одного означает неминуемую гибель другого...

До автоматического сброса протобионтов – одиннадцать минут. И за это время главный герой должен «решить за весь мир, за два разумных мира, должен выбрать».

Он может нажать на кнопку и отключить механизм сброса. Но он медлит, выбирая. И он выбирает. **«Сейчас я был – все люди. И мог сколько угодно твердить, что не готов принимать таких решений, что это жестоко... Но я должен был решать».**

И главный герой дожидается того момента, когда контейнер автоматически раскрывается, и триллионы протобионтов вываливаются в океан.

Так один-единственный человек становится родителем нового мира – и в то же время убийцей мира старого.

Главный герой возвращается в свое время с невероятно тяжким грузом на душе – он и только он знает, **какую** цену пришлось заплатить за право человечества существовать на этой планете... И он не должен, просто не имеет права рассказать об этом кому бы то ни было. Зачем людям знать, с чего они начали жить?..

Думаю, нет нужды объяснять, почему я считаю рассказ Павла Амнуэля достойным включения в десятку лучших рассказов советских фантастов. Это тот самый случай, когда высокую трагедию можно выразить лишь с помощью фантастики, и никак иначе. Здесь – мучительный выбор, чувство ответственности за совершенный поступок и осознание его последствий, возведенные в квадрильонную степень. Никакой другой жанр на это не способен.

Совсем недавно я узнал (рассказал сам Павел Рафаэлович), что в авторской версии его рассказа главный герой совершает суицид, более не в силах носить в себе ужасную тайну. Но редакция «Искателя» отвергла такую концовку, сочтя ее, видимо, слишком «чернушной».

Думаю, зря отвергла. Такая концовка лишь усилила бы эффект от рассказа.

№ 4. В 1977 году, в популярном приложении «Искатель», я прочитал фантастический рассказ писателя, журналиста, переводчика Виталия Бабенко **«Феномен всадников»**, который произвел на меня, как принято говорить в таких случаях, неизгладимое впечатление. Настолько неизгладимое, что я без колебаний включаю его в личную Топ-десятку лучших рассказов советских фантастов.

...70-е годы, Соединенные Штаты Америки. И начинается кошмар.

Невесть откуда на нашу грешную Землю (а точнее – на территорию США) прибывают странные и страшные существа – три всадника на мощных конях. Облаченные в буро-серые одеяния, похожие на средневековое платье, вооруженные какими-то подобиями палок с рогульками на одном конце, пришельцы начинают истреблять людей. Всех подряд, кто под руку подвернется. Стоит всаднику приложить к плечу (наподобие ружья) свою «палку» и прицелиться – и из странного оружия проскакивает молния, и жертва (человек!) мигом превращается в розовое облачко. И так – один за одним, один за одним... При этом грозные всадники не трогают животных – никаких. Их цель – только люди.

Всадники молчаливы, неумолимы и совершенно неуязвимы для всех видов земного оружия. Зато от их «палок» нет никакого спасения. Три всадника скачут по американской земле, сея смерть, ужас и панику. Апокалипсис...

Повествование ведется последовательно от лица нескольких рассказчиков: сержанта морской пехоты, взвод которого первым вступил в огневой контакт с пришельцами и poleg практически полностью; художника, который стал невольным свидетелем прибытия всадников на Землю (по его словам, они выехали из материализовавшейся в воздухе странной конструкции, весьма напоминающей... дубовую бочку); чудом уцелевшего методистского священника, которого вместе с сотнями его прихожан всадники согнали в кучу и обложили «флажками» (точь-в-точь, как земные охотник – волков!); профессора-физика, размышляющего о природе «охотников»; шестилетней девочки, случайно столкнувшейся в саду с одним из всадников... Кстати, именно профессор (по совместительству еще и доктор философии) высказывает догадку, что всадники – не пришельцы из Космоса или параллельного пространства, а, скорее всего, материализовавшиеся своеобразные кванты земной Природы, появившиеся для того, чтобы покарать человечество за все те неисчислимы злодеяния, совершенные людьми по отношению к Природе и другим людям, за истребление лесов, целых видов животных, за геноцид целых народов... и три всадника не остановятся, пока не истребят человечество до самого последнего человека. И остановить их не сможет никто и ничто.

...но, как оказалось, нашлось на грешной Земле нечто такое, отчего всадники, все трое, осадили коней, потом повернули назад и отбыли обратно туда, откуда пришли. Остатки человечества были спасены. Во многом благодаря случайности, чистой случайности.

Разгадка кроется практически в последнем предложении рассказа. Не буду раскрывать тайну – прочитаете сами, если захотите. Во всяком случае, я рекомендую прочесть.

...Образы всадников из рассказа Виталия Бабенко преследовали меня долгое время. Я даже пытался рисовать их карандашом или шариковой ручкой: суровые лица, жестокие глаза, блинообразные головные уборы с перьями, камзолы, краги, перчатки... И кони под стать грозным охотникам-убийцам...

Почему я счел «Феномен всадников» достойным включения в Топ-десятку? Мне очень понравилась идея автора, которая обладает правом на существование исключительно в рамках фантастического жанра. В конце концов, негативное воздействие человечества на Природу достигнет критической точки, и тогда Природа, загнанная в угол, исторгнет из себя своих активных и мобильных защитников – и пусть они будут иметь вид всадников, превращающих людей в облачка, почему нет? Не все ли равно, как будут выглядеть те, кому предстоит **«зачистить»** планету от людей, не трогая всего остального? С другой стороны, даже у этих методичных **«чистильщиков»** имеется своя ахиллесова пята, дающая людям шанс уцелеть и, может быть, одуматься...

Отличный рассказ, одним словом.

№ 5. ...У ленинградского автора Севера Гансовского была бурная жизнь: он потрудился грузчиком, матросом, электромонтером, почтальоном, учителем... Во время Великой Отечественной войны был снайпером, разведчиком. После войны окончил филфак; работал в основном в так называемых **«малых формах»** – писал повести и рассказы; впрочем, имеются у него и пьесы, и сказка... Из всех рассказов Севера Феликсовича я решил включить в свою индивидуальную топ-десятку рассказ **«Полигон»**, увидевший свет в 1966 году на страницах журнала «Вокруг света».

...На тропический островок где-то в океане, населенный малочисленным племенем индейцев, прибывают крупные военные чины одной из неназванных капиталистических стран и вместе с ними – штатский, Изобретатель. На острове предполагается устроить временный полигон для испытания оружия нового типа. В связи с этим индейцам предлагается покинуть остров. Те отказываются.

Изобретатель объясняет военной комиссии, что его детище – автоматический танк с компьютером внутри – не нуждается в экипаже. В то же время это – совершенное оружие: управляющий танком компьютер способен улавливать так называемую **«Е-волну»**, излучаемую мозгом любого человека. Проще говоря, в режиме обороны танк улавливает самые намерения противника и успевает сработать на опережение, то есть увернуться от выпущенного снаряда, ракеты или гранаты. А в атакующем режиме танк улавливает исходящие от противника волны страха и молниеносно совершает именно то, чего боится противник... Фактически любая паническая мысль может послужить для вражеских солдат и офицеров смертным приговором. При этом танк под завязку напичкан боезапасом и не нуждается в горючем, поскольку питается от солнечных батарей. **Совершенное оружие.**

После испытаний танка в режиме обороны комиссия отправляется на обед. Изобретатель, уходя, переключает компьютер танка в атакующий режим.

С этого момента все присутствующие на испытаниях обречены.

Оказывается, танк – это своеобразная утонченная **месть** Изобретателя всем военным и, в частности, – Генералу, главе комиссии. Оказывается, сын Изобретателя воевал в одной из «банановых» стран под командованием Генерала и был там убит. После этого Изобретатель разработал танк, улавливающий Е-волну и устроил так, что Генерал оказался в числе членов комиссии. Это (по мнению Изобретателя) было бы справедливой и символичной расплатой – высокий военный чин, бестрепетно посылающий на смерть тысячи солдат и офицеров, чтобы убивать тысячи других людей, – на себе испытает, что значит умирать на войне...

Так оно и случается. Танк беспощадно уничтожает всю комиссию, уничтожает, безошибочно руководствуясь Е-волнами страха: боящихся попасть под снаряд – расстреливает, боящихся попасть под гусеницы – давит. Изобретатель пытается выбраться с острова вплавь, но, на свою беду, мельком думает – достаточно ли далеко он отплыл... и его собственное детище достает его снарядом.

Из прибывших на испытания людей в живых не остается, таким образом, никого.

Проходит какое-то время. Танк стоит на том самом месте, с которого произвел свой последний выстрел, стоит неподвижно. Индейцы с удивлением рассматривают это железное **чудо-юдо**, краснокожие детишки беззаботно играют на его броне и башне...

Готовый к действию в любой момент, танк, тем не менее, замер в неподвижности, потому что на острове его никто не боится...

В 1977 году по рассказу «Полигон» был снят одноименный мультфильм (режиссером Анатолием Петровым), потрясающая анимационная работа.

№6. Аркадий и Борис Стругацкие (братья, один из которых был по профессии редактором и переводчиком с английского и японского языков, а второй – звездным астрономом) создали около полусотни фантастических рассказов, позднее включенных в различные циклы (или вовсе никуда не включенных). Из них я выбрал рассказ Стругацких **«О странствующих и путешествующих»** (написан в 1962 году, опубликован впервые в альманахе «Фантастика-63»). Действие его происходит в так называемом **«Мире Полдня»** – коммунистическом будущем XXII века, когда человечество достигло небывалого технического могущества и обрело возможность мгновенно перемещаться в пространстве; благодаря этому широкое распространение получили исследования Дальнего Космоса.

...Люди XXI века стали замечать странную вещь: один из видов осьминогов (септоподы), обычно обитающих в морях и океанах, вдруг переселился жить в пресноводные озера, и более того – отмечены были многочисленные случаи, когда осьминоги выползали на сушу и даже пытались углубиться в нее как можно дальше! (при этом моллюски набивали свои жаберные мешки мокрыми водорослями – отправляясь на землю, они брали с собой запас воды точно так же, как люди, спускаясь под воду, берут с собой запас воздуха). Некоторым **септоподам** после такой вылазки удавалось вернуться назад, в водную стихию; но многие из них погибали на суше. Ученые никак не могли объяснить необычное поведение животных – оно не укладывалось ни в какие логические рамки. Зачем осьминоги покидали привычную среду обитания и упорно лезли в неведомую, враждебную среду? (Причем все **«путешественники»**, или **«разведчики»**, называйте, как хотите, были крупными, сильными самцами). Появилось предположение, что септоподы, наделенные зачатками разума, пробуют освоить новый мир, новую среду для существования – так, как в свое время это делали первобытные люди; и, как и в случае с людьми, первыми в неизвестное шли здоровые, крепкие мужчины... Для начала ученые решили хотя бы проследить пути миграции септоподов и с этой целью пометить их всех специальными «маячками», которые легко запеленговать. Именно этим и занят главный герой рассказа, биолог и дайвер – он выискивает в озере где-то под Ленинградом септоподов и метит их с помощью пневматического ружья. В перерыве между погружениями биолог знакомится со случайно забредшим в эти места человеком. Это Горбовский, звездолетчик и космический археолог. Завязывается разговор. Биолог объясняет Горбовскому смысл своего занятия, дает послушать, как пищат «маячки» помеченных осьминогов. Тут Горбовский начинает вести себя несколько странно. Сначала он заводит разговор о том, как трудно установить разумность тех или иных существ во Вселенной, и как сложно искать следы их разумной деятельности, поскольку ни о первом, ни о втором люди не имеют сколь-нибудь внятного представления. Еще Горбовский предостерегает, что в случае Контакта с инопланетянами, которые окажутся **«совсем не такими, как мы, и вдобавок неизмеримо выше»**, человечество испытает небывалое унижение и гигантский психологический шок... Далее происходит вот что. Решив послушать музыку, биолог включает радиоприемник, крутит ручку настройки. На волне шесть и восемь сотых метра приемник ловит постоянный мощный сигнал, напоминающий помехи, и, судя по всему, источник сигнала находится где-то неподалеку. **«Это я»**, – неожиданно говорит Горбовский. И рассказывает ошеломленному биологу невероятную историю. Оказывается, некоторое время назад Горбовский с двумя своими друзьями-звездолетчиками побывал в каком-то отдаленном уголке Вселенной, у звезды, возле которой никто из людей еще не бывал. Вернувшись из рейса, все трое с изумлением обнаружили, что «сделались источниками радиоволн с длиной волны шесть и восемьдесят три тысячных» – иными словами, постоянно излучают какие-то непонятные сигналы!

Вы понимаете?

Группа людей на звездолете забралась в неведомые космические дали, их там обнаружил некто разумный и, судя по всему, очень могущественный, и пометил «маячками» – точно так же, как люди на Земле метят странных «путешествующих» осьминогов! Это даже унизительно как-то – люди, полагающие себя венцом развития мыслящей материи, для кого-то неведомого оказались всего-навсего необычными тварями, которые залезли куда-то не туда... Да, многое в нашей жизни зависит от точки отсчета! И на долгие годы мне запомнился крик души главного героя рассказа «О странствующих и путешествующих»: **«Да ведь есть же разница между звездным кораблем и мокрой тиной в жаберном мешке!..»**

№ 7. ...В 7-м номере популярного журнала «Техника – молодежи» за 1974 год я, четырнадцатилетний бакинский паренек, прочитал рассказ советского писателя-фантаста и ученого-физика Дмитрия Де-Спиллера **«Удивительный Игви»**.

...Трое земных космонавтов высаживаются на северном полюсе далекой планеты Игви – лишенной атмосферы, безжалостно обожженной своим солнцем... Люди, само собой, в скафандрах, и вылазка их носит чисто формальный характер – что можно найти на фактически мертвой планете?

...В то же самое время **трое игвианцев** (на планете есть-таки жизнь, и даже разумные ее формы!!!) прибывают на северный полюс своей планеты для неких научных исследований.

Люди и игвианцы крутятся друг возле друга буквально на одном пяточке игвианской поверхности, при этом не подозревая о существовании друг друга и друг с другом не сталкиваясь!

Как это может быть?!

Весь фокус в том, что люди топчутся на **внешней** стороне планеты Игви, а местные жители – на **внутренней** ее стороне! Так уж устроены игвианцы: место их обитания – твердь земная, вернее, игвианская, в тверди они чувствуют себя вольготно, а вот внешний вакуум для них столь же неприступен, как для землян – гранит.

Земляне же, естественно, наоборот: в вакууме они передвигаться и работать способны, а в тверди игвианской – нет.

По сути это – своеобразные антиподы, и они относительно друг друга – **«кверху ногами»**, только по обе стороны не планеты, а ее коры... Тонкой коры, напоминающей запыленное, мутное стекло.

Все ж и люди, и игвиане некоторым образом замечают друг друга. Три блинообразные опоры земного космического корабля, стоящего на поверхности Игви, игвианцам изнутри видятся тремя темными кругами; подошвы сапог землян, шагающих по Игви, игвианцам изнутри видятся небольшими овальными темными пятнами, резво передвигающимися по поверхности; когда же один из изумленных игвианцев пытается загарпунить загадочноедвигающееся пятно, один из земных космонавтов чувствует сильный удар в пятку откуда-то снизу, отдергивает ногу, а потом видит высунувшееся из почвы острие гарпуна...

Разделенные границей двух сред – тверди и пустоты – люди и игвианцы живут каждый в своей среде, не имея возможности **«побывать друг у друга в гостях»**, это физически невозможно.

Игвианцы – светящиеся пульсирующие амебы, обитающие в твердых недрах родной планеты – отбывают с полюса к себе домой; люди улетают на своем космическом корабле на Землю; и те, и другие уносят в своей памяти удивительные события, свидетелями и участниками которых они были...

Спросите: почему я так высоко оцениваю этот рассказ?

Потому что я люблю **настоящую** фантастику.

Мне претит, когда фантасты описывают землеподобные миры, населенные подобиями земных животных и растений и человекообразными разумными существами.

Иногда это оправдано, но в большинстве случаев свидетельствует о недостатке воображения. Но я ведь любитель фантастики, я хочу видеть то, чего нет и не может быть у нас, на Земле, иначе к чему покидать родную планету и уноситься в Космос – чтобы увидеть там то же самое?! Поэтому я так люблю необыкновенные миры, созданные могучим воображением настоящих мастеров фантастики – Станислава Лема, Хола Клемента, Артура Кларка... Солярис, сплошь покрытый Мыслящим Океаном; планета, сплюснутая наподобие детского волчка; мир, скрученный лентой Мёбиуса... Здесь есть, чему поразиться, тут есть, над чем поразмыслить, тут можно восхититься воображению авторов, описывающих реалии невероятных миров!

Замечу, что прочие рассказы Дмитрия Де-Спиллера тоже произвели на меня впечатление, но не такое сильное, как «Удивительный Игви». В общем-то, я не числю этого автора в своих любимчиках и прекрасно вижу его недостатки; но в редких случаях удачная идея рассказа захватывает меня больше, чем его литературная составляющая. Это – как раз тот самый случай.

P. S. Слово «**игви**», вернее, «**игвы**» я потом встретил в андреевской «Розе мира». Кажется, это были какие-то сущности, населяющие подземный мир...

№ 8. Советский писатель-фантаст Анатолий Днепров (Мицкевич); о нем в 60-е писали – «**кандидат физико-математических наук**»; но мало кто знал, что во время Второй мировой войны будущий ученый и писатель-фантаст был разведчиком и, как Штирлиц, под «**легендой**» работал в ставке Роммеля... Но после войны да – стал ученым и фантастом и написал множество рассказов и повестей. Большинство из них носит ярко выраженный антифашистский и антиимпериалистический характер и по сегодняшним меркам они могут быть отнесены к так называемым «**агиткам**»... Пусть так, но эти «агитки» (правильнее было бы назвать их **памфлетами**) выполнены на высоком уровне: крепкий сюжет, яркие образы, незамысловатая, но действенная мораль, а главное – необыкновенные идеи! Так, о самовоспроизводящихся машинах, о роботе «без тормозов», о клонировании человека я впервые узнал из рассказов Днепровы «Крабы идут по острову», «Суэма», «Ферма Станлю», «Трагедия на улице Парадиз»...

Из богатого творческого наследия Анатолия Днепровы я выбрал рассказ «**Когда задают вопросы**».

Действие его происходит в Москве, в первые годы после Великой Отечественной войны. Несколько друзей-физиков, вернувшихся с фронта с ранениями и наградами, собираются на традиционный «капустник», на котором обсуждают дальнейшую судьбу науки. Мнения расходятся. Кто-то считает, что ничего нового в науке открыть уже нельзя, останется лишь «дочищать» открытое. Кто-то считает, что открытия возможны, но их способны совершить «незашоренные» умы, не боящиеся задавать себе самые неожиданные вопросы и вести научный поиск «**методом тыка**».

В пылу спора друзья вспоминают о своем однокашнике Алике Монине – как раз таком человеке, который любит неожиданные вопросы; Монин занялся биофизикой и работает теперь в госпитале. Друзья решают навестить Алика Монина прямо на его рабочем месте, и там поздней ночью (биофизик в этот день дежурит) разговор продолжается. Выясняется, что Монина интересует проблема амнезии, то есть полной или частичной потери памяти. Своим слегка поддатым друзьям Монин демонстрирует работу электроэнцефалографа: поочередно надевает на их головы электроды и включает аппарат («**снимает биотоки**»). Перья самописцев чертят на ленте характерные кривые, присущие здоровым, но пьяным взрослым людям...

Монина занимает вопрос: где же хранится человеческая память? Можно ли считать данные электроэнцефалографа подлинными «биотоками мозга», ведь между электродами и непосредственно мозгом располагаются черепная коробка, мускуль-

ный слой, кожный и волосяной покровы?.. Друзья много и умно спорят по этому поводу... но под конец вечеринки Монин выкидывает странный номер. Он снимает со шкафа человеческий череп, укрепляет на нем электроды и врубает электроэнцефалограф.

Далее по тексту: **«Восемь перьев, все одновременно, пронзительно взвизгнули и заплясали на бумаге. Как загипнотизированные, мы смотрели в насмешливые пустые глазницы. А прибор продолжал торопливо и взволнованно выписывать лихорадочную кривую биотоков бодрствующего человека.**

– Вот так, – назидательно сказал Монин».

И финал:

«Когда, наконец, мы вышли из ворот и остановились, чтобы передохнуть, наш членкор Федя Егорьев сказал:

– Наводки. Конечно, наводки от сетевого тока...

С этой удобной, успокоительной мыслью мы разъехались по домам».

Почему я счел рассказ Анатолия Днепровского «Когда задают вопросы» достойным включения в Топ-10?

Очень просто. Я люблю в советской фантастике многое. В том числе люблю советскую фантастику за содержащуюся в ней **науку**. Отталкиваясь от имеющихся знаний, советская фантастика умела будить или, по меньшей мере, будоражить мысль. Обыгрывая название днепровского рассказа, читатель советской фантастики часто задавал вопросы...

А настоящая фантастика существует, помимо всего прочего, и ради этого тоже.

№ 9. В 1972 году популярный советский журнал «Техника – молодежи» проводил международный конкурс фантастических рассказов «71 – РОБОТ – 72». Лучшим был признан рассказ **«Сторожевой пес Корпорации»** молодого писателя-фантаста из Донецка Виталия Забирко.

Мне тогда было 12 лет. Рассказ продрал меня до самых печенок и по сей день там, в печенках, и пребывает.

Вот о чем в нем говорится. Некто, по имени Барт (судя по всему, гражданин одного из капиталистических государств) потерпел кораблекрушение, и после недельного болтания по волнам его шлюпку прибило к какому-то островку, затерянному в океане. Барт был один.

Поначалу он решил, что ему невероятно повезло. Остров был буквально завален разнообразными консервными банками – с мясом, рыбой, фруктами, соками, молоком... Консервы вовсе не были просроченными или непригодными – просто Объединенная Консервная Корпорация сваливала на этот островок излишки своей продукции, дабы поддерживать на нее, продукцию, установленные цены. Груды консервных банок периодически доставлял сюда и сбрасывал летающий беспилотный контейнер.

Возблагодарив судьбу, Барт решил было подкрепиться... но не тут-то было. Оказалось, что он на острове не один. Тут пребывал еще и **симбионт** – бывший человек, в которого вживили так называемый **«Эволюционный ящик»**; теперь это существо не ело, не пило и не спало, подзаряжалось от солнца и непрерывно, словно заведенное, обходило островок. Из всей одежды на нем лишь набедренная повязка и крепкие полусапожки. Вообще-то симбионты строго-настрого запрещены законом, но тут закон преступно обошли, а несчастного бывшего бродягу или пьяницу просто-напросто насильно сделали получеловеком-полумашинной. Так вот, при каждой попытке Барта завладеть какой-нибудь банкой симбионт подсказывал и вышибал ее ударом ноги из рук потерпевшего кораблекрушение. Барт пробовал разжалобить симбионта, но тщетно – тот не знал жалости и вообще каких-либо эмоций. Барт в от-

чаянии дошел до того, что пытался подкупить симбионта – но зачем симбионту деньги?.. Получеловек-полумашина знал лишь одно: его задание – не позволять никому пользоваться валяющимся тут добром. Такова его программа – программа Сторожевого пса Корпорации, и симбионт тупо ее придерживался...

И Барт понял, что ему предстоит умереть от голода и жажды – умереть тут, посреди невероятного изобилия еды и питья. Нелепость. Глупость. Идиотизм. Но это так.

Тогда, собрав последние силы, Барт заманивает симбионта к краю пропасти и завязывает с ним схватку из-за банки консервов. Человеку удастся столкнуть симбионта вниз, и симбионт разбивается вдребезги.

...Утолив жажду и голод, Барт решает спуститься вниз. Там он видит мертвого Сторожевого пса; от удара из человеческой плоти вылетели все технологические составляющие. Внимание Барта привлекли крепкие полусапожки; стащив их с ног мертвеца, Барт решил осмотреть поближе «эволюционный ящик» – он никогда не видел раньше такой техники. Взяв в руки этот небольшой металлический диск с присосками на одной стороне, Барт и не понял, как «эволюционный ящик», влекомый человеческим биополем, присосался к его собственному животу...

...и Барт стал следующим Сторожевым псом Корпорации.

Теперь его удел – безостановочно обходить остров и, при случае, не давая ни одной живой душе воспользоваться сваленными тут консервированными продуктами.

Нелепость. Глупость. Идиотизм. Но это так...

Так и хочется задать слегка перефразированный вопрос из фильма «Игрушка»: кто большее чудовище – бездушный симбионт, выбивающий еду из рук умирающего от голода человека, или те, кто решил завалить остров пригодными еще продуктами питания, вместо того, чтобы раздать их людям, да еще и приставить такого Сторожевого пса?

Фантастический прием позволил автору продемонстрировать принцип «собаки на сене», возведенный в абсолют. И доведенный до абсурда.

Однако, как показывает жизнь, подобный абсурд встречается сплошь и рядом.

Излишек урожая кофе или кукурузы, сжигаемый в паровозных топках; излишек молока, выливаемого в реку или просто на землю; наконец, несанкционные продукты, раздавливаемые паровым катком...

Этим можно было бы накормить уйму голодающих. Но продукты уничтожались и уничтожаются. И все ведь законно – в рамках закона, по которому действуют Корпорации...

«Сторожевой пес Корпорации» – потрясающая притча; она напоминает мне **«белый карлик»** (нейтронную звезду), небольшого радиуса звезды с чрезвычайно высокой плотностью; так и здесь – в небольшом по объему рассказе спрессованы глубокий смысл, высокая трагедия, философия иррациональности...

№10. Илья Иосифович Варшавский (1908 – 1974). Как о нем писали – **«инженер-конструктор, в прошлом моряк»**.

Но кем только ему не приходилось работать – в том числе и на ленинградском радио... Богатейшая биография! Моим ровесникам не нужно объяснять, кем был в советской фантастике Илья Варшавский.

Великий Мастер короткого рассказа, умевший быть как веселым, так и серьезным. Его сравнивали с О. Генри. Станислав Лем, если не ошибаюсь, прочитал папку с рассказами Варшавского и удивился тому, как **«в этой папочке уместилась вся американская фантастика»**...

Повторяю, среди рассказов Ильи Иосифовича – много веселых, даже смешных, да таких, что просто животики надорвешь... Но мой выбор пал на один из «серьезных» его рассказов, **«Побег»** (альманах «Фантастика-1968»).

Действие происходит на другой планете, населенной такими же людьми, как и мы.

Концентрационный лагерь; главный герой – некто Арп Зисто, пожизненно заключенный, пашущий в каменном карьере, начинает кашлять кровью. Лагерные медики безжалостно направляют его на хлопковые поля, где больные эки долго не живут... Накануне отправки к Арпу Зисто обращается кто-то из лагерного подполья с предложением устроить побег. Арп колеблется: пойманного беглеца ожидает мучительная казнь. Но терять ему, по ходу, нечего, и бедолага соглашается.

Арпа тайком вывозят из концлагеря в грузовике, под грудой мусора. В этой же машине – еще беглянка, девушка по имени Жетта, с нашитой на рукаве зеленой звездой (знак низшей расы).

Те, кто устроил заключенным побег, объясняют: спасенных вывезут на свободную территорию, отвоеванную у джунглей и не подвластную правящему фашистскому режиму. Здесь они смогут обзавестись жилищем, семьей, здесь они будут свободны, но – придется поработать, ибо колония свободных живет собственным трудом. Придется поработать, ну да ничего – это ж все-таки не концлагерь, где изнуряют непосильным трудом...

Арп Зисто и Жетта решают создать семейный союз и вливаются в работу колонии.

Каждое утро обитатели свободной территории с радостью выходят на работу; их задача – собрать как можно больше чудесных белых цветов и сносить их к подножию Столпа Свободы – высокой башни, светящейся всеми цветами радуги. Люди работают увлеченно, с энтузиазмом, устраивая азартные соревнования – кто больше соберет белых цветов. К вечеру колонисты разжигают костры и устраиваются на отдых, и жарят на кострах шашлыки, нанизывая на прутья большие куски мяса. Потом засыпают – прямо под открытым небом. С тем, чтобы утром вновь с охотой взяться за работу...

Концовка рассказа – будто тебя сильно хлестнули по лицу мокрым полотенцем, скрученным в жгут.

Никакая это не свободная территория. Это и есть те самые страшные хлопковые поля, на которые ссылают больных заключенных из концлагеря. Но чтобы использовать рабский труд максимально выгодно, режим применяет хитрость, граничащую с подлостью. Больным экам устраивают ложный побег и вывозят в **«свободную зону»**. Столп Свободы – это башня с гипноизлучателем. Невидимые волны внушают работагам, что они совершенно свободны, что труд им в радость, что надо собрать побольше белых цветов... И загипнотизированные узники вкалывают от души, собирая хлопок, и по вечерам жарят на костре большие куски брюквы, принимая ее за мясо... Все они скоро умрут, но не осознают этого. Они счастливы оттого, что ощущают себя свободными...

В беседах между собой руководство «колонии» на все лады расхваливает затею с пси-полем, которое может внушить человеку что угодно. Лишь одна женщина из руководства возражает – тут действует не столько пси-поле, сколько ощущение свободы, завоеванной дорогой ценой...

Я считаю, что Илья Варшавский с удивительной точностью предвидел, как поступят с большинством из нас в середине и конце 80-х. Сначала нам внушили, что мы все – в огромном концентрационном лагере, приговоренные к пожизненному заключению. Потом нам предложили побег – из одной общественно-экономической формации в другую. При этом уверяли, что теперь каждый будет свободен по-настоящему, но придется поработать, ибо в новых условиях не место бездельникам и лодырям, хочешь жить – приложи к этому настоящее старание, и будет тебе дом, семья, добрый результат трудов твоих, ведь это же, в конце концов, не прежний концлагерь!

Но как знать – одурманенные пси-волнами Столпа Свободы, не собирают ли люди хлопок для чьей-то выгоды, и не жарят ли на кострах брюкву, принимая ее за мясо?

И не опьянены ли люди ощущением свободы, доставшейся столь дорогой ценой, не опьянены ли настолько, чтобы не понимать – жить им остается все меньше и меньше?.. И что побег был ложным?

Ну, вот и все рассказы, попавшие **в десятку**. В мою личную десятку.

Я хотел бы мысленно извиниться перед другими советскими писателями-фантастами периода 60-х – 70-х: Ефремовым, Гуревичем, Савченко, Громовой, Журавлевой, Биленкиным, Войскунским и Лукодяновым, Григорьевым, Павловым, Казанцевым, Гором, Зубковым и Муслиным, Велтистовым, Альтовым, Мелентьевым, Жемайтисом, Александром и Сергеем Абрамовым, Ларионовой, Мартыновым, Шефнером, Ломмом и другими...

Все перечисленные авторы написали множество прекрасных рассказов, достойных восхваления и восхищения, но личная Топ-десятка – понятие сугубо субъективное. Но я вас не забыл, любимые авторы моего детства, юности и молодости моей! Придет время – я расскажу и о вас, и о вашем творчестве. Вы могли сказать – и сказали – многое, очень многое. Создав целую Вселенную советской фантастики, вы сумели, тем не менее, остаться каждый неповторимой индивидуальностью.

Честь вам и хвала!

БЕЛЫЕ ПАРУСА ПРОТИВ ЧЕРНОГО ПАРУСА

1. ...Немногим более семидесяти лет назад, в те времена, когда подходила к концу вторая мировая война, произошло вот что. Маленький мальчик, живший в небольшом североуральском городке, полез в тумбочку за бумагой для растопки печи. И случайно нашёл там потрёпанную книжку. Это был «Остров сокровищ» Стивенсона. И в душе ребёнка навечно поселились Море, Паруса, Приключения...

Потом были другие книжки о плаваниях, путешествиях, географических открытиях. Вместе с братом мальчик начал играть в необычную игру: они вырезали из бумаги маленькую каравеллу, вешали на стену карту полушарий, включали настольную лампу... Старший брат держал каравеллу в вытянутой руке и медленно двигал ею; тень корабля скользила по синей краске морей и океанов, и вслед за тенью следовала безудержная детская фантазия. Она населяла синие пучины всякими чудовищами, создавала сказочные острова с невиданными растениями, животными, народами, придумывала невероятные приключения, схватки с пиратами и фашистами...

А потом младший брат вырос. И стал знаменитым детским писателем и блестящим педагогом. Более двухсот его книг неоднократно издавались и переиздавались в бывшем Советском Союзе, ряде европейских стран, Японии, переводились на английский, испанский, персидский и другие языки. Он стал лауреатом многих престижных премий, в том числе премии Ленинского комсомола, премии имени Александра Грина, премии имени Аркадия Гайдара, имени Мамина-Сибиряка, премий «Аэлита», «Зиланткон», «Большой Роскон», он был удостоен ордена Рыцарей фантастики... В 2014-ом ему была вручена Премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества...

Владислав Петрович Крапивин.

Великолепный писатель и поэт, чьи книги, в том числе и сказки, и фантастика, с самого детства вошли в нашу жизнь и оказали на нас существенное влияние, а стихи, ставшие песнями, и посейчас звучат в исполнении бардов; видный общественный деятель и педагог, создавший в 1961 году в Свердловске пионерский отряд «Каравелла», в котором мальчишки и девчонки занимались спортом и творчеством, изучали основы журналистики и морского дела, своими руками строили всамделишные, хоть и небольшие, парусные суда и, что самое главное, – постигали в коллективе такие понятия, как Честь, Отвага, Дружба, Взаимовыручка, Ответственность... Он – и фехтовальщик, и яхтсмен; шпага стала для Владислава Крапивина не только спортивным оружием, но и неким символом, как в старину, рыцарской доблести, а паруса так прочно вошли в его жизнь, что писатель основал в самом сердце Уральских гор настоящий яхт-клуб. Редко в какой крапивинской книге не встретишь Шпаги и Паруса... И юные воспитанники (и не только они) не зря прозвали Владислава Крапивина Командором; ведь он – и Гражданин, непримиримый борец с подлецами и злобными дураками, вступающий против равнодушия, несправедливости и зла, угрожающих в первую очередь детям...

Много, очень много дано было этому Человеку.

Не желая впадать в восторженное преувеличение и заявлять: «Владислава Крапивина знают буквально все», я скажу (и это будет весьма справедливо): его знают очень-очень многие. В нашем родном Баку столько поклонников Владислава Крапивина! Впрочем, это неудивительно. Так и должно быть.

И вот этого человека – не стало...

2. В фантастической повести «Лоцман» (хроника неудавшегося путешествия) писатель вывел символ Смерти – виндсерфер (доску для катания по волнам) под черным парусом; на него становятся, чтобы уплыть в Небытие. Ранним утром 1 сентября 2020 года Владислав Петрович Крапивин вышел в Океан Вечности уже не на парусной яхте, как он любил, а на черном виндсерфере...

3. Пару лет назад я написал небольшую вещицу под названием «Командор: начало начал». Вот отрывок из него:

«...В мае 1973-го для меня «начался» Владислав Петрович Крапивин. Всерьез и надолго. Можно сказать, навсегда. С опубликованной в журнале «Пионер» повести «Всадники со станции Роса».

Мне никогда не хотелось вступать в бесплодные дискуссии с теми, кто по ограниченности своей видит в этой вещи обычную «пионерскую» повесть. Ведь на самом деле она – о сложных взаимоотношениях мальчишки и окружающего его мира взрослых людей. О пацане, характер которого не позволяет ему смириться с подлостью и несправедливостью, исходящими как от взрослых, так и от сверстников. О людях, которые приходят на помощь в нужную минуту. И – о Чуде. То есть о вполне материальной цепочке причин и следствий, приводящих к тому, что Чудо, в которое ты долго и сильно веришь, обязательно случается...

Тогда, по малолетству, я принимал это за художественный образ и некоторую литературную натяжку. Став взрослым и пожилым, могу засвидетельствовать: чудеса на свете бывают!

Меня до глубины души поразили язык повести. Я и не подозревал, что мир можно описывать так точно, ярко, убедительно. Все-таки язык – великая вещь, а язык Мастера – великая вещь стократ. Уточню, что фамилия Крапивина была мне уже знакома. Двумя годами ранее, в «Пионере» же, я прочитал повесть «Алые перья стрел», написанную Владиславом Петровичем в соавторстве со старшим братом, Сергеем

Крапивиным (тем самым, который придумал игру в «тень каравеллы» – (А. Х.). «Перья» мне тоже понравились, но настоящее знакомство с Командором началось все же с «Всадников...»

4. А еще я написал в прошлом году «Мое второе открытие Командора»:

«Это случилось весенней порой 79-го, когда стылая украинская степь поне­многу теплела, пробуждалась к жизни... Я проходил срочную в тех краях, где когда-то жили запорожские казаки, служил в войсках Противовоздушной обороны. Из-за полученной травмы ноги командование перевело меня из номера стартового расчета на станцию радиорелейной связи. Проще говоря, я временно сменил беготню и суету вокруг зенитных ракет, будучи облаченным в костюм противохимической защиты и с противогазом на потной физиономии – на долгие часы сидения в тесном фургоне, отвечая за сеансы радиорелейной связи и коммутатор. Казалось бы, работа – не бей лежачего, но это лишь на первый взгляд. Ибо требовалось неусыпное бдение в ходе всей смены, восьми или двенадцати часов. Не спать, проще говоря. И я не спал. На помощь мне приходило чтение. И одна из книг, попавших тогда в мои руки, сильно повлияла на ум мой, на сердце и на душу. Это был альманах «Фантастика-63» (я – любитель фантастики буквально с младенчества). Помимо прочих повестей и рассказов была там повесть свердловского писателя Владислава Крапивина «Я иду встречать брата»...

Знакомый с творчеством писателя в основном благодаря журналу «Пионер», я и представить себе не мог, что Крапивин пишет еще и фантастику!

...После прочтения повести «Я иду встречать брата» мне показалось, будто внутри меня взорвался артиллерийский снаряд. Я был сражен наповал. И подумал тогда: если б Александр Грин вдруг решил написать свою «Туманность Андромеды» – получилось бы именно это!

С той самой поры и началась моя беззаветная любовь к Владиславу Крапивину. Это действительно любовь, в наилучшем из своих смыслов, – когда твоя душа попадает в полный унисон с душой другого человека, когда он высказал то же самое, что ты хотел высказать, но не сумел, когда его волнуют те же вопросы, что и тебя, когда вы дышите одним воздухом и подзаряжаетесь от одного солнца, и пьете воду из одного и того же источника...

Уже потом, уволившись в запас, я раздобыл домашний адрес Владислава Петровича Крапивина и вступил с ним в оживленную переписку (знаете, он всегда находил время, несмотря на кошмарную занятость, чтобы ответить мне, совершенно незнакомому человеку из далекого Баку!). Уже потом, ставши студентом, я методически принялся доставать и читать в библиотеках все, что написал Крапивин, и открыл для себя целую Вселенную Крапивина, со сказками и фантастикой. Уже потом он регулярно присылал мне по почте свои книжные новинки с авторскими подписями. Позднее я дважды посетил Свердловск и побывал в гостях у Крапивина и в руководимом им детском отряде «Каравелла», и ходил с «каравелловцами» на яхтах, и понял, что такое паруса и шпаги, и почему Владислава Петровича почтительно называют Командором, и посетил редакцию замечательного журнала «Уральский следопыт»...

Но все это случилось потом, потом. А тогда, весной 79-го, я сидел с раскрытым альманахом на хэбэшных коленях, незряче и бездумно смотрел куда-то вдаль, в степь, и шевелил губами. Я только что открыл для себя неизвестного ранее Крапивина... Было мне в ту пору девятнадцать. И мир вокруг меня и внутри меня сделался другим, повернулся какой-то ярчайшей, волшебной гранью...»

...
5. Да, мне выпала огромная, без преувеличения, честь быть лично знакомым с Владиславом Петровичем. Я дважды посетил Свердловск в начале 90-х годов, был

в гостях у Командора и даже жил несколько дней в «Каравелле», наблюдая за жизнью отряда как бы изнутри. Вместе с детворой сидел за партами штурманского класса, бесился в спортзале, пел под гитару в кают-компании. Ходил под парусами... Я подружился тогда со многими мальчишками и девчонками, и мы потом долгое время переписывались. Могу засвидетельствовать: «Каравелла» не была формальным пионерским объединением, созданным и существующим ради «галочки» в отчете, нет. В отряде постоянно бурлила жизнь, это был клуб, в котором детям было по-настоящему интересно. Я видел, как ребятня азартно фехтовала (под присмотром тренеров, конечно), как шумно и деятельно занималась творчеством, рисуя и сочиняя рассказы и статьи (которые перепечатывались на расхлябанной, но выносливой пишущей машинке, огромной, как пулемет «Максим»), снимая любительские фильмы, ставя спектакли, организовывая карнавалы... Я видел все это и знал, что многие бывшие «каравелловцы» стали довольно известными спортсменами, литераторами, художниками и артистами. Я видел, как взрослые люди, бывшие воспитанниками Командора, приводили записывать в отряд своих детей. Я жил бок о бок с инструкторами отряда – взрослыми парнями, наставниками детворы; одни из инструкторов сами были когда-то «каравелловцами», другие же, прослышав о существовании такого отряда, съехались в Свердловск со всех концов Союза, движимые энтузиазмом... Мне довелось видеть, с каким неподдельным интересом дети читают написанные Командором книги, и как бережно перелистывают взрослые уже наставники старые подшивки журнала «Пионер» с крапивинскими повестями...

И я убедился, насколько Владислав Петрович ЛЮБИМ. И любим искренне, такой любовью, которую весьма и весьма непросто заслужить...

Часто вспоминаю беседы с Командором в его кабинете, в доме на улице Маршала Жукова; попав в него впервые, я долго вертел головой, раскрыв рот от восхищения – большая, скрупулезно выполненная модель парусника, штурвал, морские флаги, старинные карты и лоции, кремневые пистолеты, средневековый глобус, картины на морскую тематику... представляете? Владислав Петрович, несмотря на неимоверную занятость, все же находил время для общения... Он оказался гостеприимным хозяином и очень тонким и умным собеседником. И при всем при том держался очень просто. На какие только темы мы с ним не разговаривали! Командор очень интересовался происходящими в Азербайджане событиями – Карабахской войной, трагедией «черного января» – и лицо его при этом становилось сумрачным. Очень много мы говорили и о его книгах – в частности я, как поклонник фантастики, обсуждал с Владиславом Петровичем его удивительные сказки, светлые, как солнечный луч. И его фантастическую прозу, цикл повестей о Кристаллической Вселенной. О, в фантастических повестях Командора происходят воистину удивительные вещи! Время сворачивается в петли и замыкается в кольцо, различные пространства проникают друг в друга, микромир непостижимым образом оказывается связан с макромиром и наоборот, личность любого ребенка равноценна Галактике, а нескольким ребятишкам удаётся получить в пробирке аж целую звездную туманность, за которой тут же начинают охоту бездушные и недобрые пришельцы из иного мира... О книгах Крапивина можно говорить бесконечно, это не символичное высказывание, а факт. И в центре любой из его историй неизменно оказываются дети и те из взрослых, кто сумел сберечь детство в своей душе.

6. В разгар перестройки, когда крошилась идеология, и круто менялись нравственные ориентиры, я ввязался в спор между Владиславом Петровичем и известным детским писателем и поэтом Эдуардом Успенским. Успенский, рьяный поклонник коммерциализации литературного труда, презрительно назвал крапивинских мальчишек, героев рассказов и повестей, «пионерчиками». Я тогда вспылil и сказал, что многих героев Успенского – того же дядю Федора, например – можно назвать «хо-

зайчиками», ибо они прагматичны и совсем не романтичны... Конечно, надо было сказать иначе. Надо было сказать, что дети рождаются как «крылатыми», так и «приземленными», и для каждого из них должен быть свой писатель, и негоже поносить друг друга по этому поводу, а надо работать... Но я тогда просто бросился в бой, оскорбившись за Командора. Теперь они оба, и Крапивин, и Успенский – на том свете, и Господь разъяснит им, в чем они были правы, а в чем – заблуждались...

7. Помню еще, как во время гонок на яхтах по Верхне-Исетскому озеру я не удержался и рассказал Крапивину о том, как в начале 80-х я и еще двое моих друзей-бакинцев, не имеющих никаких морских навыков, надумали переплыть Каспий на самодельном катамаране под парусом. Владислав Петрович коротко глянул на меня, потом посмотрел куда-то вверх и явственно пробормотал: «Три мудреца в одном тазу...». Он-то понимал и в парусах, и в морях, и в плаваниях.

8. Я многое мог бы рассказать о Командоре, о его отзывчивости, душевности, непримиримости к Злу в самых различных его проявлениях... но сейчас у меня стоит комок в горле, и подозрительно ноет слева в груди...

Он трудился почти до самых последних своих дней. Помню его высказывание: «Ужасно боюсь звания «пенсионер». Считаю, что я писатель, а не пенсионер. А пока писатель – значит, должен писать».

Еще он говорил: «Сейчас книги детские есть. Но книги и литература – это понятия разные. Книги – это книги. Они стоят на полке, как товар. А литература – это явление».

Еще он говорил: «Что это за идиотские разговоры – мол, компьютер заменит книгу? Ничто книгу никогда не заменит! Книга существует с тех пор, как возникла цивилизация. Специфика книги не может быть воспроизведена ни в каком ином виде искусства, ибо влияние идеи, мысли, энергетики автора на читательский разум может быть передано только словом».

Владислав Петрович интересовался и моим творчеством; в свое время, в конце 80-х, именно при его поддержке я стал публиковаться в журнале «Уральский следопыт». О моем сборнике рассказов «Виннету с Первой Нагорной» Крапивин высказался так: «Мне нравится разнообразие интересов Хакимова... А особенно симпатична его преданность памяти детства. Этот бескорыстный интерес к жизни, это любопытство, стремление как можно больше узнать о мире, это понимание ценности ребячьей дружбы, – то есть, все то, что объединяет детей разных возрастов и поколений»

Эту оценку Мастера я буду всегда носить в своем сердце.

9. У виндсерфера Смерти парус – черный, и он – один... А у книг Крапивина – белые паруса, и их много...

(Баку, 1 сентября 2020)